

(1) Количество «универсальных» символов с каждым годом растёт, ибо появляются новые научные дисциплины, совершенствуются и вводят свою специальную символику такие науки, как биология, психология, лингвистика. (2) Не означает ли это, что наше письмо возвращается вспять, к пиктографии, то есть рисуночному письму?

(3) В какой-то мере — да. (4) Но в то же самое время, создавая новые символы-идеограммы, человечество не отказывается и от достижений тысячелетий — от фонетического письма. (5) Таким образом, наша письменность становится смешанной, «буквенно-идеографической». (6) Например, тексты научных статей по математике или ядерной физике написаны именно таким буквенно-идеографическим письмом. (7) Преимущество его по сравнению с алфавитом очевидно. (8) Во-первых, идеограммы понятны независимо от языка (химические формулы, математические символы), во-вторых, они не только сокращают запись, но и помогают научному мышлению (прогресс математики обязан главным образом введению специальной символики, созданию «языка математики»). (9) А в-третьих, такая символика становится понятной не только любому человеку, но и компьютерам.

(10) «Информационный взрыв» — так называют невероятно большое количество информации, которое лавинообразно возрастает с каждым годом. (11) Со времени Гуттенберга до наших дней вышло более 35 миллионов книг, и цифра эта явно заниженная, так как огромное количество специальных изданий не поступает на книжный рынок.

(12) Не удивительно, что учёные не в состоянии прочесть всю выходящую литературу даже по их узкой специальности. (13) Вот почему в настоящее время единственное спасение от этого потока информации, который к тому же ежегодно возрастает, — создание информационно-логических машин, построенных на основе электронно-вычислительной техники.

(14) С помощью «машинной письменности» можно, минуя перевод с языка на язык, записывать в электронной памяти всю необходимую информацию. (15) Система универсальной символики, международные знаки науки с каждым годом совершенствуются, но раньше это происходило, так сказать, стихийно, без участия специалистов. (16) И только в последние годы XX века стало ясно, что не последнее слово принадлежит здесь лингвистам, которые занимаются не только примитивной идеографией первобытных племён, но и современной научной идеографией.

(17) «Машинная письменность», она же «универсальный код науки», она же и «всемирное письмо», будет создана. (18) Это будет идеография, понятная любому человеку и вычислительной машине. (19) Но из этого вовсе не следует, что исчезнет фонетическое, буквенное письмо. (20) Ведь живая разговорная речь сохранится и будет развиваться и совершенствоваться, по-прежнему будут творить на своём родном языке поэты и прозаики. (21) Значит, останется и алфавит — средство записи живого слова. (22) Правда, и здесь техника может внести существенные корректизы: авторы сейчас записывают свои произведения на диктофоны, любой роман может быть «наговорён», существует уже множество электронных библиотек, состоящих из «звуковых книг». (23) Однако звучащее слово может быть подано в различных интерпретациях (вспомните чтение стихов в исполнении самих авторов и мастеров художественного чтения). (24) Поэтому и алфавит, и книга, вероятно, будут жить века, только сфера их употребления значительно сужится. (25) Научная, специальная, техническая литература будет записываться «средствами машинной письменности», а художественная — средствами привычного традиционного письма. (26) В этом смысле буквы умрут только вместе с живым человеческим словом.

(По А. Кондратову*)

*Александр Михайлович Кондратов (1937-1993) — российский лингвист, биолог, журналист и поэт.

Из предложения 14-16 выпишите один фразеологизм.